

Минский Николай Максимович

Стихотворения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Максимович М.**
Стихотворения / Минский Николай Максимович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 252 с.

ISBN 978-5-519-96678-8

ISBN 978-5-519-96678-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

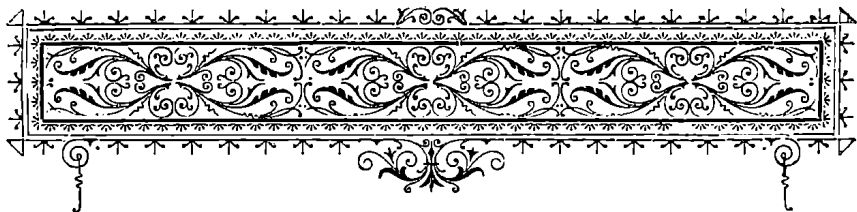
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла,
Въ одной рукѣ поднявъ бокаль съ кипящей влагой,
Въ другой—вѣнокъ изъ розъ,—и вся она цвѣла
Грѣхомъ и красотой, весельемъ и отвагой.
Кудрями свѣтлыми былъ низкій лобъ вѣнчанъ,
Изъ синихъ глазъ сверкалъ горячій взоръ и томный,
Въ послушныхъ складкахъ шелкъ, какъ тайну другъ нескромный,
Скрывалъ и выдавалъ бѣгини грудь и станъ.

—За мной! звала она. За мной, мечтатель юный! —
И голосъ у нея пѣвучъ былъ и глубокъ. —
Испей мой сладкій ядъ, надѣнь живой вѣнокъ,
Блаженству посвети мечты свои и струны.
Опутанный судьбой, забвенья жаждетъ мѣръ
И всѣхъ превыше благъ онъ цѣнитъ, благодарный,
Объятыя грѣшныя и виноградъ янтарный,
И вдохновенное безумье громкихъ лиръ.

Пой счастье и любовь счастливымъ и влюбленнымъ.
 Изъ всѣхъ даровъ земныхъ лишь лучшіе бери:
 У суетнаго дня—безпечный лучъ зари,
 У мрачной ночи—блескъ луны надъ міромъ соннымъ,
 У сердца—жаръ страстей, у времени—весну,
 У матери земли—цвѣтущія дубравы,
 И вмѣстѣ все сплоти въ гармонию одну.
 И будутъ дни твои—дни радости и славы! —

II.

Такъ рѣчь ея текла—и вѣялъ страсти зной
 Отъ словъ и устъ ея, мнѣ душу зажигая.
 Я руки къ ней простеръ,—но въ этотъ мигъ другая
 Богиня строгая явилась предо мной,—
 Со взоромъ, мечущимъ вражды и гнѣва пламя,
 Въ доспѣхахъ воина, сильна и молода,
 Съ руками, грубыми отъ тяжкаго труда,
 И мечъ свѣтился въ нихъ, и развѣвалось знамя.

—За мной, звала она,—и, какъ призывъ трубы,
 Былъ голосъ у нея,—властительный и зычный.
 Туда, на тѣсный путь лишеній и борьбы,
 Гдѣ счастье—рѣдкій гость, гдѣ горе—гость привычный.
 Буди огонь въ сердцахъ, усталыхъ ободряй!
 Какъ музыкантъ въ бою предъ строемъ утомленнымъ,
 Ступай передъ толпой со словомъ окрыленнымъ.
 Съ ней вмѣстѣ и живи, и вмѣстѣ умирай!

И радость высшую тебѣ я дамъ въ награду,—
 Чтò передъ ней миражъ веселья и утѣхъ!
 Твой стихъ, какъ божій духъ, пролетѣтъ въ сердца отраду,
 И братьевъ и друзей создастъ тебѣ во всѣхъ.
 Въ минуты счастья и въ бѣдствіи тяжеломъ,—
 Надъ гробомъ друга другъ, надъ колыбелью мать,—
 Твоими пѣснями, какъ лучшихъ чувствъ символомъ,
 Всѣ будутъ скорбь свою и радость выражать!..

III.

Такъ рѣчь ея лилась,—и страстное волненье
 Мнѣ сердце потрясло. Я руки къ ней простеръ,
 Хотѣлъ сказать: я твой!—И вдругъ упалъ мой взоръ
 На Музу новую. Блѣдна, какъ привидѣнье,
 Недвижная она стояла и съ тоской
 Глядѣла въ очи мнѣ безумными очами.
 У ней въ одной рукѣ тлѣлъ факелъ, а въ другой
 Мерцало зеркало холодными лучами.

— Я не зову тебя,—она шепнула мнѣ,—
 И этотъ шопотъ былъ такъ слабъ необычайно,
 Что я не зналъ сперва, звучитъ-ли онъ извнѣ,
 Иль собственной души внимаю голосъ тайный.—
 Я не зову тебя,—меня призывалъ ты самъ.
 Я—жажда Истины, я—Совѣсть мірозданья.
 За мною вьются вслѣдъ сомнѣнья и страданья,
 Какъ желтые пески за вихремъ по слѣдамъ.

И знай: когда во мнѣ ты обрѣтешь богиню,
 Я благами земли тебя не награжу,
 Но въ душу скорбную свой факель водружу
 И озарю всѣхъ чувствъ, всѣхъ думъ твоихъ пустыню.
 И ощутишь въ душѣ отчаянія дрожь,
 И въ зеркалѣ моемъ, какъ вѣчность, неподкупномъ,
 Во всемъ, что ты считалъ добромъ, увидишь ложь
 И неизбежное—въ порочномъ и преступномъ.

Я поведу тебя въ пучину дѣлъ мірскихъ
 И сокровенное въ сердцахъ людей открою.
 И ложь своей души увидишь ты и въ нихъ,
 И не повѣришь ты пророку и герою.
 Не опьянятъ тебя символы и слова,—
 Ни битвы грозный шумъ, ни нѣжный плачъ свирѣли.
 Въ безцѣльной суетѣ искать ты будешь цѣли,
 И рваться къ небесамъ, и жаждать божества.

Промчатся дни твои въ томлениі одинокомъ,
 И будетъ пѣснь твоя досугъ твой отравлять.
 Но я ей силу дамъ печалью уязвлять
 Сердца, застывшія въ безвѣріи глубокомъ.
 И шопотъ Истины, какъ бы онъ ни былъ слабъ,
 Въ ней будетъ слышаться сквозь крики отрицанья.—
 Такъ молвила она. И, удержавъ рыданья,
 Молчалъ я, какъ молчитъ передъ царицей рабъ.

1887.

I.

НАШЕ ГОРЕ.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская Печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопоть ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

1879.

НА ВЫСОТѢ.

Я бросилъ поводъ, я волю далъ коню,
Я настежъ распахнулъ души своей темницу
На встрѣчу теплomu, безоблачному дню,
Холмамъ, въ осеннюю одѣтымъ багряницу.

Какая даль кругомъ! Объяты тишиной
Желтѣющая степь, распаханныя нивы,
Салгира синяго веселые извивы
И скалы, ставшія угрюмою стѣной.

А тамъ, за ихъ стѣной, я чую близость моря:
Оттуда съ ласковымъ дыханьемъ вѣтерка
Сребристыя плывутъ къ утесамъ облачка—
Небесныя мечты среди земнаго горя...

Нѣтъ, этотъ свѣтлый день безслѣдно не пройдетъ!
Когда я возвращусь на сѣверъ нашъ тоскливый,
И вновь почувствую зловѣщихъ мыслей гнѣтъ,
Я вспомню эту степь, холмы, лѣса и нивы...

Тогда на эту высь я вновь мечтать приду...
Приду, но не одинъ,—а силой вдохновенья
Я и тебя, мой другъ, съ собою приведу,
Какъ я тоскующій и жаждущій забвенья.

Подъ музыку стиховъ замретъ въ душѣ тоска,
Предъ тайной красоты смирится умъ усталый.
Холмы обступятъ насъ... Змѣей сверкнетъ рѣка...
И тучки приплывутъ лобзать сѣдыя скалы...

1886.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я вижу вновь тебя, таинственный народъ,
О комъ такъ горячо въ столицѣ мы шумѣли.
Какъ прежде, жизнь твоя — увы — полна невзгодъ,
И нищеты ярмо безъ ропота и цѣли
Ты все еще влачишь, насмѣшливъ и угрюмъ.
Та-жъ вѣра дѣтская и тотъ-же древній умъ;
Жизнь не страшитъ тебя и гробъ тебѣ не страшенъ
Подъ сѣнію креста, вблизи родимыхъ пашенъ.

Загадкой страшною встаешь ты предо мной,
Зловѣщей, какъ миражъ среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Подъ внѣшней тишиной
Теченья тайныя и дно души народной
Кто можетъ разглядѣть? О, какъ постигнуть мнѣ,
Что скрыто у тебя въ душевной глубинѣ?
Какъ мысль твою прочесть въ твоємъ покорномъ взорѣ?
Какъ море, темень ты: могучь-ли ты, какъ море?..